

Ирина Данилова

КАКОЙ НАМ НОВЫЙ ГОД

Рассказы для детей
младшего и среднего
школьного возраста

Оренбург, 2020

Эта книга издана в рамках реализации социально значимого проекта «Всероссийский семинар-совещание молодых писателей „Мы выросли в России“» с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов,

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

УДК 8Р2 (092)
ББК 83 (2Рос=Рус) 6-8
Д 18

Ирина Данилова. Какой нам Новый год. Рассказы.—
Оренбург: Издательский центр МВГ, 2020.— 64 с.

©Ирина Данилова, 2020 г.
©Издательский центр МВГ, 2020 г.

Это Котико

Мама хотела собаку, а я принёс котёнка. Только она и собаку не очень хотела. А котёнка она вообще никогда не хотела. Она робот-пылесос хотела на день рождения.

А котёнок сидел у помойки и глядел. Я его забрал. Букетами прижал.

В прихожей из куртки вместе с букетами вытащил.

Говорю:

— С днём рождения, мамочка!

Мама говорит:

— Ваня, у него лишай.

Где у него лишай? Котёнок как котёнок. Чёрный, с проплешинами за ушами. Глаза-щёлочки. На помойке все такие.

— Это тебе цветы от нас с Ваней,— папа говорит.— Почти такие же прекрасные, как ты. А на помойке все такие.

И две вазы протягивает.

— Такие, как я? — мама на папу смотрит.

— Что ты! Таких, как ты, на помойке не встретишь! Ты меня неправильно поняла. На помойке у всех котят лишай. А у Вани сердце доброе. Ты же хотела собаку породы акита-ину. А Ваня тебе кота принёс японского. Смотри, какие узкие глазки! Но это, конечно, не все сюрпризы на сегодня. С днём рождения!

Мама говорит:

— Я робот-пылесос хотела. И потом только на Хатико согласилась. Как в фильме.

И от нас с папой отвернулась. И носом шмыгнула.

До фильма она вообще Хатико не хотела. Только робот-пылесос. А потом фильм про Хатико посмотрела. И с тех пор, когда его вспоминала, сразу носом шмыгала и отворачивалась. Ей так жалко собаку было, которая до самой смерти хозяина ждала. На перроне сидела. Как пылесос в прихожей после уборки. И папа ей пообещал такую же купить. Только другой породы. Потому что порода, как у Хатико — японская, очень дорогая.

— Как японские пылесосы, — сказал папа. — Или приставка Ваниной мечты. Другую породу купим какую-нибудь. Тоже с умными глазами. Сама за собой убирать будет. И за нами с Ваней, наверное. Как твой робот.

Мы сегодня с папой за собакой собирались идти, чтобы её маме на день рождения подарить. Но сначала меня папа, как назло, утром за цветами отправил. Это мама так сказала: «Как назло». Хотя я ей два букета купил. На папины деньги и на свои. Карманные, которые на приставку коплю.

Я уже два года коплю, приставка очень дорогая — примерно как тысяча школьных завтраков. Я все карманные деньги в копилку складываю. Но у мамы же день рождения.

Я немного из копилки вытащил. И второй букет купил. А маме это «как на зло». Будто это я сам себя за цветами отправил. И сам себе цветы купил. И сам для себя этого котёнка у помойки посадил. А теперь что делать?

— Юра, что делать? — мама папу спрашивает. — Какой нам теперь пылесос, вер-

ный и преданный, когда Ваня вон Котико притащил? Мы так на пылесос никогда не накопим. Все деньги на новые обои и мебель уходить будут. И у меня уборки теперь в три раза больше. В день рождения! Только вы такой подарок сделать могли конечно.

И вздохнула тяжело.

— Да, — говорит папа. — Я тебя понимаю. Котико — дорогое удовольствие. В принципе он чем-то на Хатико похож. Тоже верный и преданный. И терпеливый, как ты. Вон сколько у него терпения! Ждёт, пока ты его к себе на праздник пригласишь, даже не мяукает. Молча тебя с днём рождения поздравляет.

— Зато я больше молчать не хочу! — Мама за голову схватилась. — Я в собственном доме даже мяукнуть не могу! Потому что мне некогда. Я всё время за вами убираю и у плиты стою. И про собаку я просто так сказала. Мне только Хатико не хватало для полного счастья, — и опять носом шмыгнула. — Но там хоть порода такая... Беспроблемная. Благодарная. Акита-ину! У Лены мейн кун американский, например. Ей муж на день рождения подарил. Лена всем хва-

стается. Она сегодня к нам придёт. Что я ей покажу? Что мне муж с сыном подарили? Это какая порода?

— Котико же,— говорю.— Такая порода. Круче мейн куна. Очень преданные коты. Ждут и не мяукают. Всё терпят. Убирают квартиру сами. Хвостом пыль подметают. Мам, с днём рождения. Это от чистого сердца.

И Котико маме протягиваю:

— Очень умный котёнок.

— И плешивый? — мама спрашивает.

— Зарастёт,— говорю.— Я его шампунем помою. Для роста волос.

— Это мой шампунь,— мама говорит.— Я его берегу.

Папа говорит:

— Там такая банка, всем хватит: тебе, Хатико и Котико. Правда, Ваня?

Я кивнул. Говорю:

— Мы же не против Хатико. Давай и его купим. Правда, папа?

Папа говорит:

— Ваня, это всё-таки мамин день рождения. Давай её насчет собаки спросим?

Мама говорит:

— А вы меня спросили насчёт Котико без робота-пылесоса? Меня в этой семье вообще никто не ценит. Я круглые сутки убираюсь. После вашей с Ваней уборки. И всё равно не успеваю ничего. До гостей три часа, мне ещё кухню мыть. А теперь тут к тому же блохи заведутся от Котико. Теперь меня ещё и блохи ждать с работы будут!?

И на холку Котико подула:

— Вот, я же говорю! Побежали-побежали.

Я котёнка обратно под куртку спрятал. На папу смотрю.

Мы с папой, честно, вчера маме помочь пытались. Полы мыли и дверцы на кухне. А мама сказала, что мы опять по квартире грязь размазали. И пол надо вручную мыть, тряпкой, а не шваброй туда-сюда возить неотжатой. А в кухню пришла и сказала, чтобы мы ушли оба, и что она сама потом всё сделает. И что от нас толку ноль. Наверное, что-то мы с папой не заметили, какую-то страшную грязь. А мама решила, что мы специально её не убрали. А теперь решила, что мы специально ей блох принесли. Чтобы окончательно день рождения испортить.

Папа говорит:

— Наташенька, кошачьи блохи людям не передаются. Он же там тебя на помойке ждал. Каждый день. И дождался... Ваню. Хочешь, мы с Ваней его зелёной помажем? И помоем сами. В честь твоего дня рождения. Знаешь, какие коты благодарные? Он тебе всю жизнь руки лизать будет. За то, что ты такая у нас замечательная. И с работы встречать. Лучше нас. А то мы вечно что-то говорим не то и не так делаем. Как ты нас с Ваней вообще терпишь — не понимаю. А Котико совсем ничего не говорит и делать ничего не умеет. Только ждать и терпеть. Японская порода. Очень редкая. Помесь. Ну ты же собаку породы акита-ину тоже не собиралась покупать. Тоже помесь хотела. Это тоже помесь.

— Я про помесь думала потому, что мне пылесос не светит. А собаку вы бы всё равно выпросили. Чтобы шерсть была покороче. А это помесь кого с кем? — мама спрашивает.

— Акита-ину и... ну... С кем-то,— папа говорит.— Откуда мы знаем?

— Действительно,— говорит мама.

Я говорю:

— Акита-ину с мейн куном. Очень дорогая, редкая порода. Я передачу про кошек смотрел. Там говорили, помесь — это брак породы. Вот его и выкинули, не разобравшись. Из питомника.

— Из какого ещё питомника? — мама спрашивает.

Говорю:

— Через дорогу у нас новый зоомагазин открыли — «Питонник». Между цветочным и помойкой. Наверное, там питомник. Но я не уверен.

Там и правда зоомагазин открыли. Я туда зашёл, когда за цветами ходил. Я очень животных люблю. Магазин новый, два аквариума стоят. В одном золотая рыба, в другом змеи клубятся. И третий аквариум — пустой, огромный, с табличкой «Африканский питон». Наверное, не привезли ещё питона просто. Но я маме почти не соврал. Мало ли, что там написано. Может, туда скоро котят привезут. Японских. Или американских мейн кунов. Этого точно сказать никогда нельзя.

Мама говорит:

— Хм... А как проверить?

— Очень просто, — говорю, — Если он умеет ждать и терпеть, значит, породистый. Это же Котико! Он очень преданный. И умный. Сама увидишь. Каждый день тёте Лене будешь про него рассказывать.

— И глаза-щёлочки, — кивает папа. — Настоящий самурай. А шерсти у него и нет почти. В смысле лишней. В «Инстаграме» его все залайкают. Тут, мне кажется, ещё одна порода примешалась. Бенгальская. Бенгальские коты, как леопарды, — в пятнышках. Тоже очень дорогие.

— Вижу, что одни проплешины, — говорит мама. — Не буду я такого Котико в «Инстаграм» выкладывать. Может, и зарастёт, конечно. Но если ваш Котико будет себя не как самурай вести, а как дворовопомоечный кот, мы его вечером на птичий рынок отнесём и на Хатико поменяем. А если он лужи будет делать и мебель портить, то есть если он ждать и терпеть совсем не умеет, то я его сама на помойку выложу вместо «Инстаграма». Так и знайте!

— Ура! — обрадовались мы с папой.

И побежали Котико маминым шампунем мыть.

А мама своей новой подруге тёте Лене звонить пошла. Наверное, рассказывать, что у нас кот японской породы акота-ину появился. Что её мальчики, то есть мы, ей его на день рождения подарили. Вместо робота-пылесоса.

Но зачем нужен робот-пылесос, когда у нас такой кот? С азиатским разрезом глаз. Умный, воспитанный. Чистокровный акота-ину — мейнкуну. Но я не подслушивал конечно. Просто подумал, что наверняка мама так рассказывает.

Ещё она букеты фотографировать пошла и в «Инстаграм» выкладывать. Она всегда так делает. Все наши подарки фотографирует и подписывает: «Это мои мальчики». И рыбу жарить. К праздничному обеду.

Котико, как ванну увидел, так сразу всеми когтями мне в свитер вцепился. Папа его отцепил, а он отпрыгнул — и в раковину. Из раковины на пол, и под ванну залез.

Мама дверь открыла, говорит:

— Я вам зелёнку для Котико принесла. Это что здесь происходит? Вы зачем под ванну лезете?

— Котико достаём, — честно с папой отвечаем.

— Что, не дождался, пока вы его поможете? — мама спрашивает. — И терпеть не захотел?

— Наоборот, — говорю. — Он такой терпеливый. Это же Котико. Он просто под ванной тебя ждёт, чтобы ты его сама достала. Помыла и зелёнкой помазала. Он без тебя никуда.

— Ладно, — мама говорит. — Иди сюда, Котико. Не бойся, будь самураем. А то скоро гости придут, а ты воняешь чем-то непраздничным.

И за задние лапы Котико из-под ванны потянула.

А Котико сначала за трубу зацепился, и мама его никак вытянуть не могла, а потом как выпрыгнет прямо на стиральную машину! Зелёнку опрокинул и на кухню побежал. А под ванной вода зажурчала.

— Всё, нет больше машинки. Зелёнка от пластика не отмывается! А это что такое журчит? — мама руками замахала.

— А это из трубы,— говорит папа, под ванну заглядывая.— В ней какие-то маленькие дырки. Очень тонкий пластик. Прохудился со временем.

Я говорю:

— Мама, это Котико протечку обнаружил! И нас под ванной ждал. И вот дождался. А мы и не догадались сразу. Папа сейчас всё изолентой замотает. Я же говорил, Котико очень умный котёнок. Пап, держи фонарик.

Тут Котико на кухне как мяукнет!

— Рыба! — мама на кухню побежала.

А Котико ей навстречу из-за угла выскочил. С рыбой в зубах. Ну как выскочил?.. Рыба тяжёлая. Котико маленький. Выполз. Но тащил быстро, конечно, широкий жирный след на полу оставляя.

— Да вы что, обалдели?! — мама в коридоре встала.— Это просто ужас какой-то. Я утром полы помыла! Нам теперь моющий робот-пылесос нужен! А у меня и простого нет.

— Мам, если бы Котико протечку не обнаружил, у нас бы денег совсем ни на что не осталось — мы бы соседям снизу ремонт делали,— говорю.

А мама у Котико рыбу отобрала и на кухню пошла.

— Кыс-кыс-кыс,— говорит.— Первая и последняя рыба в твоей жизни. Вот тебе блюдец.

И рыбу в блюдец шмякнула.

Котико рыбу за секунду съел. И возле мамы уселся. Смотрит на неё, как Хатико. Лапой мамину ногу трогает.

— Отстань,— мама говорит, рыбу в муке обваливая.— Не заслужил. Ты рыбу за секунду спылесосил. А мне теперь коридор мыть. Лена обалдеет, какой у нас в квартире дизайн. Главное, чтобы она не узнала, что это мне на день рождения такой подарок мои мальчики сделали.

А Котико, видно, понял, что мамину ногу лапой трогать бесполезно. И как заскребёт когтями по кухонной дверце. По глянцевому фасаду.

Мама аж подскочила и чуть сковороду на пол не бросила. В воздухе поймала. Говорит:

— Лопнуло моё терпение!

Я говорю:

— Мама, это Котико тебе помогает! Тут прилипло что-то. И как мы с папой вчера

не заметили? А Котико видишь какой умный и чистоплотный? Ещё ждал до последнего, пока ты согласишься. А потом решил, что сам справится. Давай, Котико, я тебе помогу.

Я тряпку схватил. И давай фасад тереть. А Котико аккуратненько от фасада отпихнул. И рыбу крышкой накрыл, чтобы не так соблазнительно из сковороды пахло.

Папа в кухню вошел, говорит:

— Вот это повезло нам с котиком, конечно. Такую протечку нашел! Я всё починил. Спасибо, Котико. А ты, Ваня, что делаешь?

— Фасады протираю, — отвечаю. — Прилипло что-то, а Котико нашёл.

Мама на стул села. Смотрит то на меня, то на папу. И потом на Котико уставилась.

А я тряпку взял. Пол на кухне и в коридоре вымыл. И Котико со мной — тряпку цапал.

Мама из кухни вышла. Вздохнула. Спрашивает:

— Это ты чтобы я Котико на помойку не отнесла так хорошо моешь? Или это ты потому, что у меня день рождения?

Я говорю:

— Мам, нет. Это Котико. Он реально убраться любит. Он намного лучше работа-пы-

лесоса. Смотри, вместе со мной тряпкой пол моет. Такая порода. Он всегда таким будет, поверь.

— Вижу,— улыбнулась мама.— Расскажу тёте Лене, какой ты помощник.

Тут Котико лапой за тряпку зацепился и под галошницу залетел на повороте. А от туда весь в пыли вылез. И по мокрому полу кубарем полетел. Пыльные клочья по всему коридору к полу прилипли. А Котико под ванну умчался.

И тётя Лена позвонила. Сказала, через десять минут будут всей семьёй.

Мама говорит:

— Ну всё. Вот такой у нас порядок в мой день рождения. Два дня уборки котика под хвост. Спасибо, ребята! Отличный праздник вы мне устроили. Показала подруге, как мы живём.

Телефон кинула. А потом говорит:

— Несите обратно своего кота. Я не железная, чтобы за всеми убирать. Мне вас хватает. Сейчас Лене позвоню, всё отменяется.

— Не надо день рождения отменять,— папа говорит.— Наташенька, мы тебя очень

любим. И труд твой ценим. И помогать тебе пытаемся, но у нас плохо получается конечно. Но мы научимся. Мы же не виноваты, что Котико так на тебя похож, мы в него влюбились с первого взгляда.

— Я что, тоже плешивая? — мама спрашивает, носом шмыгая.

— Нет. Как ты могла подумать? У тебя очень красивое платье в горох! Просто ты умеешь ждать, как Котико. Пока мы поумнем. И нормально тебя поздравлять научимся. Наташенька, мы же понимаем, как нам с Ваней повезло, что ты такая терпеливая.

А Котико не стерпел и прямо в самый ответственный момент лужу сделал посреди коридора.

Мама лицо руками закрыла. А папа говорит:

— Надо было сразу тебе пылесос подарить. Вань, как думаешь?

— Если по-другому никак, — говорю, — хорошо.

Я понял, что папа на мои деньги намекал, скопленные. Конечно, у нас с деньгами сейчас не очень. Он маме говорил, я сам слышал. На что он такой дорогой робот-

пылесос купит? А с Котико шерсть по всему полу и пыль из-под галошницы.

Я Котико взял. В комнату свою пошёл. К окну подошёл. На помойку смотрю.

А Котико ка-ак по мне поползёт! На плечо забрался и на пол свалился. Наверное, тоже помойку увидел.

Я его в коробку из-под глобуса посадил. Ему бы, конечно, в коробке из-под приставки свободнее было. Но на приставку ещё копить и копить. Даже если вообще никогда завтраки в школе не есть.

И я все накопленные деньги вынес, приставочные. И маме подарил. Только я не был уверен, что их хватит на японский робот-пылесос.

Но надеялся конечно.

Мама говорит:

— Это что?

Я говорю:

— Пылесос. Если хватит.

Мама отвернулась и как заревёт.

Наверное, поняла, что дождалась, как Хатико. И про Хатико вспомнила.

Всхлипывает:

— Ванечка, иди сюда. Ой, у меня руки в рыбе. Надо помыть.

А папа говорит:

— Наташенька, это твой сын! Вот как он тебя любит. И я тоже твоих гостей ждать не буду.

И в спальню побежал.

А оттуда коробку вынес. Большую! С японским роботом-пылесосом.

И Котико тоже в коридор выскочил. Хотя я ему строго сказал из коробки не высываться, пока не позову.

А заплаканная мама на пылесос посмотрела. И Котико схватила!

Я даже испугался, честно говоря.

И в нос Котико поцеловала.

Говорит:

— Ребята, он правда воняет! Такой блахастый, просто чудо! Пойдём, я тебя своим шампунем помою.

А Котико как давай маме руки вылизывать! Изо всех сил! Будто терпел и ждал, пока его руками в рыбе мыться понесут. И дождался наконец.

Мама на полпути развернулась:

— Ваня, сколько ты там накопил?

Я сказал.

— Ваня, тебе на приставку не хватит. Вот, держи.

И на приставку добавила. Свои отложенные. Сказала, что копила на пылесос, но ей больше не нужно. И что после Котико очень удобно мокрыми облизанными руками деньги отсчитывать. И засмеялась.

Тут гости в дверь позвонили. А мы Котико помыть не успели. Тётя Лена говорит:

— Наташа, с праздником! А чем это тут так воняет?

Мама говорит:

— Это мои мальчики, Юра и Ваня!

— Надо же,— говорит тетя Лена.— А это что за животное? — И на холку Котико подула.

Мама говорит:

— Это Котико. Мне мои мальчики подарили.

— А это японский пылесос-о-о-ос? — тётя Лена спрашивает.

— Ага,— говорит мама,— Ничего особенного.

Помощница

Вика — моя лучшая подруга. Я у Вики часто в гостях на весь день остаюсь. Вика всем помогать любит: маме своей, тётё Кате и мне конечно. Правда, мне от Викиной помощи не всегда хорошо. От её помощи всё время что-нибудь случается. И я в нашей дружбе сомневаться начинаю.

Например, однажды мы по Викиной квартире слонялись, не знали, чем заняться. Вика это тетё Кате рассказала — что нам делать нечего, и Лена, то есть я, в гостях скучает, нужно меня чем-то развлечь. А тетя Катя Вике сказала, что она посуду мыть не успевает и что сейчас нас как следует развлечёт целой горой этой самой посуды. И что ей сегодня весь день готовить, без нас не обойтись.

Я в туалет пошла, руки после туалета на кухне помыла. Вика говорит:

— Всё, Лен, ты попала. Тебе теперь до вечера одной посуду мыть, в нашей семье такие правила. Ты не знала, что ли?

И засмеялась.

Что это за подруга такая, которой все гадости, которые со мной происходят, смешными кажутся?

Я об этом до вечера думала — пока весь день посуду мыла. И посуды там было столько, что я на несколько лет вперёд намылась — до мокрых морщин на пальцах.

А вечером Викин папа домой пришёл, в туалет зашёл, а потом на кухню напрямиком, и говорит:

— Надо же. А я хотел посудомойку покупать! Надо Лену к нам каждый день приглашать.

И руки в раковине кухонной помыл, после туалета. И я поняла, что с посудой — это Викина шутка очередная была.

Или, например, Вика про рассаду на балконе пошутила. Нам тётя Катя обещала: когда порядок на балконе наведём, можем во что хотим на компьютере поиграть. Вика рассаду принялась поливать, а мне делать нечего. Стою, вздыхаю. Тогда Вика

попросила посмотреть, не выросли ли там сорняки — между помидорами и огурцами. Я почему-то не подумала, что это балкон, и какие на нём сорняки? И вообще, закончить с этим балконом поскорее хотелось и играть пойти. Смотрю: а там и правда сорняки. Фиолетовые. Я их и повыдёргивала все, как лебеду у бабушки на даче.

А потом Викина мама пришла и как завопит:

— Где мой базили-и-и-и-ик?!

Я тут же базилик из помойного ведра вытащила и обратно посадила. Но он весь на землю лёг и не прижился. А тётя Катя на меня до вечера не смотрела. Мне так стыдно было. А Вика ей говорит:

— Мам, ты ж сама вчера сказала, что тебе этот базилик вообще не нужен, с ним мороки много. Прости Лену, а?

Я на Вику разозлилась, конечно, за то что она моими руками тёте Кате помогла от базилика избавиться. Но потом простила. Я на Вику долго обижаться не могу, это моя лучшая подруга всё-таки. Она вечно всем помочь хочет: и маме своей от базилика избавиться, и мне, чтобы мы поско-

рее порядок на балконе навели и играть пошли.

А на следующих выходных нас опять на балкон отправили — цветы с рассадой поливать. Точнее, выгнали. Потому что я суп не хотела есть, там жир плавал. А я жир терпеть не могу, особенно когда он мелкими жиринками к нёбу прилипает. Викина мама меня сначала уговаривала. Говорила, что мне нужно есть полезную еду. И не выливать же ей целую тарелку супа, она так старалась. Она моей маме обещала меня супом в гостях накормить. И что, если я к ним и дальше хочу в гости ходить, надо есть. А потом не выдержала. Рукой на дверь показала:

— Идите отсюда обе! На балконе рассаду полейте.

Мы на балкон пришли, а там перец стоит — куст развесистый. Весь маленькими перцами усыпан. Вика сказала, соседка вчера подарила, потому что его есть невозможно.

Я спросила, почему невозможно. Вика говорит:

— Ну слишком, ну невозможно вкусный перец потому что. А если много съесть, то

от чего угодно живот заболит. Поэтому я по штучке в день ем, удовольствие растягиваю.

А мне так есть хотелось. Я же суп вообще не стала, это Вика сытая. Смотрю на перец, а перцы как клубничины вытянутые: висят, блестят. Кажется, даже пахнут клубникой. Точно пахнут. Но Вика так улыбаться начала, что я задумалась.

А Вика говорит:

— Не думай, ешь. Я свой утром уже съела. Обалдеть, какой он сладкий.

Я на Вику смотрю. А она перец один оторвала, разломилла и половину мне протягивает. А вторую в рот себе кладёт. Подозрительно аккуратненько так. Глаза закрыла и стонать начала от удовольствия. А потом изо рта его вытащила, на солнце принялась разглядывать и говорит:

— Лучше я себе на вечер оставлю. А ты ешь, ты же голодная.

Я не выдержала. И укусила. И у меня глаза чуть не вывалились, и слёзы потекли. Я на кухню к тётке Кате побежала, потому что весь рот горел и губы щипало страшно.

Я на кухню прибежала, кувшин с водой схватила и прямо из него всю воду выпила.

Но там воды было мало, на дне. Я её допила. Смотрю, суп мой стоит, холодный. С жиром.

Тарелку схватила и прямо с края пить начала. Даже капусту не прожевала. Я не то что жир с капустой, вообще ничего не чувствовала. Знала бы, что суп такой на вкус окажется приятный, холодненький, сразу бы съела.

Викина мама глазами захлопала. Говорит:

— Надо же.

А потом Вика пришла — так смеялась, что еле до кухни дошла. Гогочет:

— Мам, я Лену угостила соседкиным перцем, ничего? А то у тебя в супе перца не хватало. Видишь, как Лена теперь суп любит.

И они ещё долго надо мной хохотали, пока я из крана воду пить не начала. Потому что на кухне вся еда закончилась.

Когда язык проходить начал, я подумала, что Вика мне больше не подруга и я последний раз у них в гостях.

А потом Викина мама нам желе из холодильника достала. Любимое моё. С вишнями из компота. Говорит:

— Ну, девочки, десерт.

И Вика мне половину из своей вазочки отдала. Хотя у меня язык уже почти прошёл. Сказала, что мне нужнее. А она всё равно черничное больше любит.

И я подумала, что пусть у Вики шутки дурацкие, но она же как лучше хотела. Всем помочь: и мне, и маме своей. Чтобы мама продукты не выбрасывала и не расстраивалась, что я голодная. Вика же не виновата, что маму любит, что она мамина помощница. Вика и меня тоже любит, я же подруга её.

А я благодаря Вике полезный суп съела. И у меня теперь на десерт желе моё любимое, полторы вазочки. Потому что дружба — это когда ты другу помогаешь. А уж как у тебя это получается — дело другое. Но помогаешь же. И всем от этого только лучше.

Жаба

Бабушка со своим ящиком мне в деревне жизни не давала. Сказала, что в тринадцать лет к труду пора приучаться и надо ящик из-под картошки в сарай отнести, потому что он у нас на крыльце уже неделю стоит. И что я её ничем порадовать не хочу, от меня одно огорчение.

Ящик я давно отнести хотел, даже с крыльца его вытащил и возле двери поставил. Но руки не доходили, всё время отвлекало что-то. То Митька на карьер купаться шёл, и мне уже не до ящика было. То Алику мопед починили, и я скорей к нему побежал, чтобы он без меня кататься не уехал. То по телеку футбол начался.

Бабушка ругалась, что этот ящик в сарай три секунды отнести и что она таких ленивых, как я, в жизни не видела. А мне что делать, если я, честно, про него забы-

вал, как только на крыльцо выходил? Я его к самому крыльцу придвинул, сбоку, чтобы бабушке из окна не видно было и она лиш- ний раз не расстраивалась. И не споты- калась.

Тут ещё Вика приехала из соседнего дома. Она мне прошлым летом нравится стала. Но я никому не рассказывал. Алик с Митькой гоготали, что у неё косички стрёмные. И что она дурочка, потому что лягушек боится и орёт, как ненормаль- ная. У нас лягушек много, карьер рядом, на карьере озеро. Они там кишат. И на грядках кругом жабы — по вечерам пры- гают. И Вика по своему огороду прыга- ет и визжит. В прошлом году всё лето визжала.

Я машину в окно увидел, на крыльцо выскочил, бинокль дедов схватил. Смотрю: вместо косичек у Вики волосы до плеч, рас- пущенные. И джинсы модные. И вообще она вся преобразилась.

Я с крыльца сбежал и к Вике пошёл здороваться. Сказал, что могу к ней на ве- лике вечером заехать, на карьер сгоняем. Она согласилась.

Я во двор вернулся, а бабушка из окна говорит:

— Ну всё. Приехали. Так этот ящик в зиму и останется у крыльца стоять.

Но я опять мимо ящика прошёл. Потому что я, как дурак, через дорогу к Вике нёсся — Митька с Аликом это точно из окон видели. И лучше мне сейчас за дом побыстрее пойти, на дровах пересидеть, чтобы обо мне все забыли.

А потом я вообще в поле ушёл через дальнюю калитку. Поле у нас сразу за забором. До леса дошёл, грибы там искал до вечера по опушкам. Какие грибы в начале июня? Зато успокоился.

Домой пришёл, бабушка мне молча ужин на стол поставила. Совсем обиделась. Смотрю: Вика по дороге на велике ездит туда-сюда. И Алик за ней на мопеде следом. А Митька на обочине стоит.

Не знаю, что на меня нашло. Я вскочил, чуть на ящик у крыльца не налетел и с великом к ним побежал.

Мы до ночи по дороге катались: до карьера и обратно. Потом Алик с Митькой по домам разошлись — огороды поливать

и спать ложиться. А у Викиной мамы день рождения, они с Викиным папой на участке шашлыки жарят, Вику домой звать и не думают.

Уже звёзды на небе зажигаться стали. Бабушка из-за занавески высунулась, кричит:

— Ваня, домой!

Я на дороге остановился. Кричу:

— Бабушка, мне некогда, я попозже.

Бабушка в сирень в палисаднике плюнула и за занавеской скрылась.

Мы только отъехали, а она уже на дорогу вышла. Голосит:

— Я сейчас отцу позвоню, расскажу про ящик и что ты меня не слушаешься.

Я решил, что не хочу, чтобы она отцу звонила. Такое уже было, когда я в магазин идти отказался, тоже всё некогда было. Отец потом на дачу приехал, и я в магазин сорок раз ходил, ничего не покупая. К вечеру уже полз по дороге, Митька с Аликом от смеха на обочине валялись. В общем, я понял, что сейчас с бабушкой лучше не спорить.

Мы с Викой прощаться начали. Я говорю:

— Вон звезда Сириус. А вон Полярная.

Сам на бабушку кошусь. А она на дороге топчется. А потом кричит:

— Езжайте сюда, звездочёты. На скамейке посидите под окном, чтобы я вас хоть видела.

И в дом пошла.

Скамейка возле крыльца. Бабушке нашу скамейку хорошо из окна видно. И слышно всё. Она у окна и устроилась, я по тени на траве понял.

Я свой велик на огород загнал. И мы на скамейку с Викой сели.

Я Вику обнял. Говорю:

— Видишь, там Туманность Андромеды?

Вика говорит:

— Где?

Я говорю:

— Давай покажу, отсюда плохо видно, иди сюда.

К крыльцу её повёл, чтобы бабушке нас из окна не видно было. Сзади Вику обнял и в небо ткнул:

— Во-он.

Вика говорит:

— Это самолёт летит вроде. Мигает.

Я говорю:

— Не там, а там.

И Вику к себе прижал, чтобы ей видно было лучше. А бабушке — наоборот.

Тут мы ка-ак завалились! Я спиной об угол, Вика на меня.

Кроссовкой за ящик этот проклятуший зацепился, а нога уже назад пошла. Мы вдвоём свалились. Точнее, сели в ящик. И я затылком об угол дома приложился. У меня в глазах не то что Туманность Андромеды, вся Вселенная на звёзды распалась. А потом в чёрную дыру сжалась, когда мне Вика локтем под дых с размаху угодила — боком сверху приземляясь.

А другой рукой Вика во что-то склизкое угодила. А это жаба оказалась.

Вика как заорёт:

— Дурак, идиот! Козёл!

И убежала через дорогу, даже велик на обочине забыла.

Я потом фонарь взял, ящик в сарай оттащил, заодно весь мусор собрал, дрова в порядок привёл — как мог, с фонарём в одной руке. Утром камни за огород отнёс,

которые возле дорожек у нас то там, то здесь лежали уже два года, мешались. Только бы что-то делать и не думать, как опозорился.

А Вика со мной три дня не здоровалась, а потом я вечером на карьер поехал, один. Посмотрел, велик Викин возле дома. Мопеда Аликовского нет, умчал куда-то. Митька у себя, грядки поливает. Думал, на карьере нет никого. Алик на карьер в одиночку не поедет.

Приехал, а Вика там с Аликом под сосной целуется, рядом с мопедом. Под жабью песню. И не боится, главное, что выпрыгнут на неё из озера склизкие страшные жабы.

Я с велика слез, тихонько их с другой стороны сосны обогнул по песку, самую жирную жабу поймал, разогнался на велике и в Алика с Викой кинул. Правда, не попал. Ну и чёрт с ними, с придурками.

Домой вернулся и решил плотно хозяйством заняться: сарай начал разбирать и всю рухлядь ненужную деревянную за домом жечь вместе с ящиками из-под картошки. Кому они нужны вообще?

Ирина ДАНИЛО́ВА

Сколочу в подвале короб специальный из досок, на всю картошку сразу, чтобы больше ничего в сарай не таскать. Бабушка обрадуется.

Лёничка

15 мая

Дорогой Дневник! В нашей семье началась новая жизнь, поэтому я решила тебя вести. Буду всё тебе рассказывать.

Сегодня мама с папой принесли Лёню. Мы его так ждали! И мы сразу всей семьёй на дачу поехали, на свежий воздух. У нас же новая жизнь началась.

Лёня смешной. Маленький. С кнопкой. Мой папа — учитель физики. Всё время фильмы про роботов смотрит в свободное время. Когда я себя веду плохо или реву, он ко мне подходит и кнопку ищет. Где у тебя кнопка? А потом находит и в нос тыкает. Очень смешно. И мы с папой у Лёни тоже кнопку искали и смеялись. Нашли! Тыкнешь Лёне в кнопку — моргает. Но когда я Лёню в кнопку три раза тыкнула, мама велела от Лёни немедленно отойти. И что с ним

надо аккуратно. Будто я не понимаю. Я же не маленькая.

Завтра буду весь день с Лёней играть. Пока, дорогой Дневник!

16 мая

Дорогой Дневник!

Зачем они вообще этого Лёничку разлюбименького принесли? Смотрит глазами в кучу. Розовый весь. Моргает, как дурачок.

Подходить к нему нельзя. И всё — ему. Мама перед ним сидит, вздыхает. Папа над ним по полдня висит. Налюбоваться не может. Он ему даже коврик купил ортопедический. Хороший очень.

Мама вокруг Лёни носится, пылинки сдувает. Салфеток для Лени три пачки купила. А мне ничего не купили. Мне только резинового динозаврика купили и сок, я от этого сока весь вечер чешусь. Потому что у меня на апельсиновый сок диатез. И чуть что — не подходи, не трогай. Зачем этот Лёня тогда нужен, если к нему подходить нельзя?

Пока, дорогой Дневник.

17 мая

Дорогой Дневник!

У меня сегодня был очень плохой день. Я стащила Лёнин коврик. И салфетки. Спрятала за сараем.

Мама кричала, чтобы я отдала немедленно. Но я не отдала.

Папа салфетки и коврик нашёл, но маме ничего не сказал. Наверное, папа всё-таки меня чуть-чуть любит. Но это не точно. Точно — это что мама меня не любит. Весь вечер со мной не разговаривала. Она с Лёней разговаривала. Я подошла, сказала, что я её люблю. А она сказала, что занята очень. И к Лёне отвернулась. И я всё поняла.

Я приёмная.

Ладно, дорогой Дневник. Пока!

18 мая

Привет, дорогой Дневник!

Я всю ночь редела. Утром решила проверить, правда, что меня из детского дома взяли, или нет. И так и спросила. Ещё спросила, кто им родной: я или Лёня.

Мама ничего не сказала, она с Лёни глаз не сводила. И улыбалась. Молчание — знак согласия, понимаешь?

А папа засмеялся и сказал, что я очень сообразительная. Смешно ему. А потом сказал, что Лёня им истерики не устраивает и нервы не треплет. Сказал Лёне, что он молодец. И погладил его. А меня никто не погладил.

И мама с папой полвечера от счастья смеялись. Говорили, что он их малыш, родненький.

Я их всех ненавижу. Я им отомщу. Вот увидишь.

Пока.

19 мая

Привет, Дневник!

Я опять полночи редела. Потом папа пришёл. Сказал, что если я не успокоюсь, мы завтра за сморчками не идём. Потому что у них с мамой сил на меня нет — мои истерики полночи слушать. И что я сама всё понимать должна. Я как раз понимаю.

Понимаешь, на Лёню у них всё есть. Они вчера весь вечер с ним кино смотрели. Смеялись в комнате втроём.

А мне так за грибами с папой хотелось. Но успокоиться трудно было. А утром папа сказал, что за грибами в шесть утра ходят. А я только в десять проснулась. Если бы до утра редела, вообще вечером бы проснулась. А теперь поздно, у него работа. Поэтому мы никуда не идём.

И к Лёне в комнату заразиться ушёл. Сказал, что Лёня заболел, у него вирус. В комнату не заходить и не мешать. Когда я болею, он ко мне вообще не заходит. Мама говорит, у папы работа, ему болеть нельзя, и он нас кормит. И учеников в школе ему заражать тоже нельзя. А теперь можно стало. Вот так, дорогой Дневник.

Папа весь день в комнате сидел. Мама сама не своя ходила, у неё всё из рук валилось. Только о Лёне думала. В телефон весь день смотрела, писала что-то на листочках, чтобы не забыть. Наверное, рецепты лекарств для Лёни записывала. Только обо мне никто не думает. Знаешь, как обидно?

Я никогда так с тобой не сделаю.

Вот тебе наклейка с котиком.

20 мая

Привет!

У меня мало времени.

План мести:

- 1) собрать вещи в узелок;
- 2) украсть Лёнин коврик;
- 3) уйти из дома.

Пока!

21 мая

Привет, дорогой Дневник!

Мой план мести провалился.

Я целое утро собирала в узелок всё, что мне понадобится: хлеб, соль и лук. Ещё палку искала долго. В сарае нашла, черенок от старой лопаты. И никто на меня не обращал внимания. Представляешь? Тогда я коврик в узелок запихала. Чтобы точно заметили, что я ушла.

Я к папе подошла. С узелком. Он же меня хоть чуть-чуть любит. Думала, ему хоть чуть-чуть стыдно должно стать. Сказала, что из дома ухожу. И Лёнин коврик тоже пусть не ищут. Никогда не найдут!

Папа засмеялся. Спросил, что им с мамой делать теперь без Лёниного коврика.

Руки же устанут. И сказал, что пусть я куда хочу иду, но чтобы коврик отдала немедленно. Вот так он меня любит! Ни капельки!

Я коврик на пол кинула и ушла из дома.

А мама с Лёней в тени под яблоней у забора сидели, за качелями. Лёне перегреваться нельзя. На улице жарко. Мама его на колени кладёт и сидит весь день под яблоней. Разговаривает. Пусть хоть всю жизнь разговаривает.

Я разозлилась и в поле пошла. Даже не попрощалась.

Мама мне даже вслед ничего не сказала! Даже не заметила, наверное, что я из дома ухожу. И папа тоже за мной не пошёл. Я и ушла.

Потом хлеб с солью кончились. А лук я выкинула. В сказках все с собой лук берут, когда из дома уходят. Я и взяла. Но гадость ужасная оказалась. Зачем они его берут? Глаза щипало — жуть. Знаешь, дорогой Дневник, больше я сказкам не верю.

До середины поля дошла с пустым узелком. Хотела из узелка сачок сделать, чтобы кузнечиков ловить и бабочек. Но не получилось ничего. И я за кузнечиками просто

так бегала. Весело было. Но потом сильно есть захотелось.

Делать нечего, вернулась. Папа меня у забора встретил. Сказал, что меня в поле со всех сторон видно, поэтому если я захочу, могу ещё хлеба взять и в поле опять из дома уйти. И Лёню у мамы взял. А мама в дом пошла. Сказала, что она очень устала и хочет отдохнуть.

Я заревела конечно. Ты бы тоже заревел от такого. Хотя тебе нечем, вообще-то. Наверное, ты бы расклеился.

А папа спросил, что им теперь со мной делать. Сказал, что у них с мамой выбора нет. Кто-то должен постоянно рядом с Лёней быть, если я хочу на даче жить всё лето. Сказал, что можно попробовать, чтобы мама весь день с Лёней сидела, а потом он весь день. Чтобы у меня не было чувства, что меня бросили. Хотя это им обоим трудно будет. Лучше по очереди. И спросил, как я думаю, что будет правильнее?

Я сказала, чтобы они Лёню на помойку выкинули. Вот что будет правильнее! И что у меня теперь родителей нет. А папа сказал, что они с мамой только ради меня

на дачу приехали. И что им без Лёни тоже никак. Сейчас мы все привыкнем к новому режиму, и они со мной играть начнут. И с Лёней поиграть дадут аккуратно. Потому что очень осторожно надо. Я же маленькая ещё и не знаю, как с ним правильно обращаться.

Мне так обидно стало. Я хотела сразу снова хлеба взять и в поле уйти, но дождь пошёл. И я передумала уходить. Я им докажу, что не маленькая. И я им докажу, что я знаю, как с Лёней обращаться!

Пока, дорогой Дневник! Завтра всё тебе расскажу. А сейчас нарисую тебе кузнечика.

22 мая

Дорогой Дневник!

Меня наказали и отправили в детскую одну до вечера. А папа Лёню в город повёз. Потому что у Лёни перелом. И один глаз не видит. Лёня с качелей упал. И меня никогда не простят. Наверное, сдадут обратно в детдом.

Прощай, дорогой Дневник.

Прости, что размазала всю ручку и кузнечика.

27 мая

Дорогой Дневник!

Прости, что долго не писала. Но мама меня только сегодня простила.

Папа с Лёней из города приехали. Лёне глаз на место вернули. Но папа говорит, что глаз нечувствительный стал. Но второй же есть! А папа говорит, что второй — это для другого. Но для чего — не сказал.

Я же не хотела ничего плохого. Хотела доказать, что умею с Лёней обращаться. Папа же сам говорит, что Лёня хрупкий и с ним надо аккуратно.

У нас в тот день Интернет сломался. Папа с мамой Лёню отдыхать положили и в комнату ушли другой модем для Интернета искать. Я к Лёне подошла. В кнопку ткнула. Он моргнул.

Я стала с ним играть в маленького динозаврика. Динозаврик по Лёне прыгал, Лёня ойкал. Здорово было. А потом я сок себе налила. И на Лёню пролила нечаянно. Весь стакан. Я его сразу салфетками вытерла, но Лёня такой липкий стал. Салфетки вообще не помогли.

Я его аккуратненько на улицу посушить вынесла, под яблоню, чтобы не перегрелся. А потом тучи набежали, солнце спряталось, ветер подул, и я его на качели понесла. Чтобы покачался, пока тень, и высох как следует.

Положила, раскачала его. Песенку ему петь начала.

А он с качелей поехал неожиданно. И упал. Ой, что было!

Лёня со всего размаха вниз грохнулся. Я испугалась и заревела.

Мама из дома выскочила. Кричала на весь сад, что я дорогуший «Леново» разбила, и как им теперь работать на удалёнке. Что они с папой — учителя, сейчас конец года, им домашние задания проверять надо. И что они последние деньги на этот ноутбук потратили с учительских премий, чтобы он Интернет в нашей глуши тянул и видеосвязь онлайн. Только чтобы со мной на дачу в мае поехать, а не сидеть в пыльном городе в четырёх стенах. Чтобы я воздухом дышала. А теперь у него крышка розовая отдельно, камера отдельно. И кнопка включения отвалилась.

Вот так, дорогой Дневник. Конечно, я во всём виновата. Я понимаю.

Но папа же Лёню починил в городе. Только камера больше не работает. И Лёня одноглазый получается.

Поэтому мама уроки теперь с телефона ведёт. На крышу забирается, к трубе. И там устойчивый сигнал одной рукой ловит. А второй за трубу держится. И папа тоже.

А я с Лёнечкой аккуратно играю. Папа мне коврик подкладывает, чтобы руку на него класть и мышкой было удобнее водить. Я больше всего люблю в динозаврика играть. Это когда Интернета совсем нет. Тогда динозаврик на экране появляется. Через кочки прыгает и через кактусы перелетает. И когда играю, сок не пью. Тем более что я от сока чешусь. И мне ещё змейку скачали.

В змейку я тоже играю по вечерам, когда мама с папой контрольные уже проверили. А когда они работают, во что-нибудь другое на улице играю.

А вообще мне больше всего в поле ходить нравится с узелком. В поле кузнечики живые и бабочки. Они, как динозаврик,

прыгают и летают. Только динозаврик на экране нарисован, а они живые. Это намного интереснее. И мама с папой со мной скоро в поле начнут ходить. И на озеро тоже. Там в июне вода прогреется, и я с собой резинового динозаврика купаться возьму. Того, которого мне вместе с Лёничкой подарили. И ещё хлеб с солью возьму. И лук. Лук взрослым нравится.

Только мама с папой сначала тесты проверят у всех классов. И всё, каникулы. Они и палки в сарае себе нашли для походов. Папа от тляпки открутил, мама сказала, с метлой пойдет. Так смешно! Я сейчас тебе нарисую.

Вот это — папа с палкой! А это — мама с метлой!

28 мая

Дорогой Дневник!

Сегодня в нашей семье началась новая жизнь. Потому что мама с папой мне братика пообещали! Чтобы мне в следующем году на даче совсем весело было. И всегда было с кем играть, и чтобы глаза перед экраном не портить.

Ирина ДАНИЛОЗА

Представляешь, как здорово?! Я его
Лёничкой назову!

Ну всё, пока, Дневничок! Мама зовёт
ужинать.

Вот тебе наклейка с бабочкой. Это моя
самая любимая.

Какой нам Новый год

Если куснуть еловую иголку, запахнет мандаринами. Я залез под ёлку и поперекусал почти все. Иголки кислые и горькие. Мама говорит, что дома нужна атмосфера. Вот сижу, кусаю. Потому что делать мне больше нечего. Деда Мороза не будет. Потому что не бывает Деда Мороза.

Папа раньше в костюме Деда Мороза переодевался. Шуба до сих пор в шкафу висит. На Николая она не налезет. Она ему по колено, наверное. Николай огромный и топает так, что из квартиры слышно, что он подходит к двери.

Николай притопал к нам как-то раз. Они с мамой на кухне сидели. А я от нечего делать в шкаф залез. А там шуба Деда Мороза, как шкура синяя. Папа сбросил и убежал. Я шубу к Николаю приложил. Сзади подошёл на цыпочках. Мама даже не заметила. Смеялась у плиты, ужин готовила. Я шубу

на Николая набросил, на голову. Николай вскочил, стул набок, как заорёт — аж окно зазвенело.

Мама кричит:

— Ваня, ты песню выучил? Вон отсюда!

И я песню до ночи в комнате учил. Снеговиковую, про бубенчики — «Джингл белмс». Николай заглянул.

Говорит:

— Ваня, я ель принёс.

— Папа говорит, живые деревья рубить нельзя.

Николай руками развел:

— В горшке. С корнями.

Говорю:

— Это моя комната. И папина квартира.

Николай сразу ушёл. Совсем. По лестнице затопал.

Мама входной дверью хлопнула. Потом на кухне полночи музыку слушала, в кухню меня не пускала. А потом принялась машинкой трещать, костюм снеговика шить. Ругалась-шипела: «Ссс, ссс». Подруге звонила:

— Лена, у меня всё висит. Нет, всё хорошо у нас в семье. С чего ты взяла? Мише

привет передам, конечно. Миша-а-а-а, тебе от Лены привет!

Соврала. Миша — это мой папа. Он от нас давно ушёл. В прошлом году. Не знаю почему. А утром мама одна из комнаты вышла. И всё. Вещи папины пропали. Только синяя шуба в шкафу.

Мама сказала, не знает, почему папа ушёл. Но больше его не будет.

А недавно посмотрела на меня внимательно и сказала, что это потому, что у меня тройки по английскому. И я комнату не убираю. И на кухню пошла.

Я комнату убрал, папе позвонил. Он сказал: «Молодец». Потом добавил: «Вырастешь — поймёшь, я всё равно твой папа. Главное — учись хорошо».

На утренник прийти обещал. Я понял, что он после утренника к нам вернется. И до утра песню снеговиковую учил. К маме пошёл, про утренник сказал, что папа придёт.

Мама говорит: «О-о-ой», — и все нитки торчащие сразу зубами зажала. Откусила, к ноутбуку кинулась — готовые костюмы новогодние смотреть.

Говорит:

— Чтобы он увидел, кого он бросил. Какого ребёнка! И я ещё салат сделаю, фруктовый, с мандаринами. Новогоднее настроение создам.— И подмигнула.— Пригласи папу к нам, ладно?

Но костюмы снеговиков в Интернете не продают. У нас классная, англичанка, очень творческая. Мама говорит, вечно как придумает, хоть умри за этой машинкой. Ни на что времени не остаётся. Нет чтобы девочки-снежинки, мальчики-гномики. Хотя гномики у нас тоже есть. Гномики — отличники. А я троечник, поэтому в главной роли человека-снеговика. Меня так в гимназии мотивируют, мама говорит — главными ролями. Потому что Наталья Александровна — хорошая учительница. А на меня не действует. Я ленюсь.

Вообще, это Николай придумал меня в гимназию английскую перевести. Сказал, что я буду за другими тянуться. И выправлюсь. Но я не выправился.

Мама рано утром Николаю позвонила. Говорит:

— Коля, ты нас прости за вчерашнее. Что нам делать? Нам нужно такое придумать, чтобы огромные белые шары были. Украшение праздника. Чтобы Ваня красивее всех был.

И из кухни с телефоном пошла — дальше разговаривать. Потом весёлая вернулась, говорит:

— Будет тебе костюм человека-снеговика. И Наталье Александровне крылья не забудь! Я ночью сшила. Из твоих бывших шаров.

Классная Наталья Александровна у нас — снежный эльф. Она вокруг нас летает и снежинки раскидывает, как новые знания. Будто с облаков их достаёт — по сценарию.

Все сначала нормально начиналось. Сначала мы просто так репетировали. Только я всё время про папу думал: как он придёт. И будет мне хлопать, у меня же главная роль. Кланяться тренировался. А надо было песню репетировать. Потом Санта-Клаус мимо актового зала пробежал. Настоящий, английский. Борода короткая, шуба по колено.

И я второй куплет забыл. Совсем. Все гномы за Сантой побежали. И я с ними. Наталья Александровна — следом, ловить нас. И обратно в зал заводить. Говорит, что Санта к нам сегодня придёт на утренник. И не надо за ним бегать, у него ещё три параллели.

Гномы кричат:

— Можно мы не будем больше репетировать? Новый год же!

Я тоже кричу, громче всех:

— Новый год же!

А классная как руками взмахнёт:

— Ваня, какой тебе Новый год, у тебя по английскому «ТРИ». «ТРИ-И-И-И!» — глаза выпучила, за сердце схватилась. — А ты даже песню не помнишь.

И весь класс стоит, смотрит. Мне так стыдно стало. Я тогда сразу понял, что мне Новый год не положен. Может, из-за меня его у всего класса не будет. Мне провалиться сразу захотелось. Куда-нибудь в подвал.

Потом у нас последняя репетиция была. Классная всё переживала, что у меня костюма до сих пор нет. Маме позвонила. Мама говорит:

— Всё будет хорошо. Уже готово, бегу. Мне такой материал принесли! Ой! Будет лучший снеговик параллели!

И через час шары принесла. Огромные, красивые, как из снега настоящего.

Говорит:

— Коля, ты никому в классе не рассказывал, что папа ушёл?

— Нет,— говорю.

— Отлично. Не подведи, сынок. Пусть папа увидит, какие мы с тобой замечательные,— и почесалась.

Потом мама с Натальей Александровной меня вдвоём одевали, потому что самому в три таких шара не влезть. И ещё противные белые вязаные рейтузы и тапки мохнатые. Но человек-снеговик в чёрных брюках — не очень правдоподобно.

И гномам потом шапки натягивали. И Наталье Александровне крылья. И в последний раз песню повторяли английскую про «Джингл беллз» — звенящие бубенчики. Мы же её полгода хором зубрили. Английская гимназия. Английские песни. Но что-то мне не очень повторялось, у меня руки чесаться стали сильно. А как их

почешешь, когда они в разные стороны из шаров торчат? В ушах бубенчики звенеть начали.

Потом классная подошла, спросила, что я грустный такой. Я честно сказал, что раз мне Новый год не положен, пусть кто-нибудь другой снеговика играет тогда. И снимите с меня эти шары, я почешусь.

Она наклонилась. Чуть ухом мне в глаз не попала. Говорит:

— Ты меня прости, Ванечка. Нормальный тебе Новый год. В смысле будет. Санта-Клаус ко всем приходит.

— Это как? — спрашиваю. — У меня же «три» по английскому.

— Потому что Новый год — новый, понимаешь? Сент Николас, Санта-Клаус, Святой Николай — понимаешь? Свято-о-ой. Он не может ни за что наказывать и не приходиться. Он очень хороший. Понимаешь? Он всех прощает и ко всем приходит. И я тебе «четыре» по английскому поставлю в четверти. За песню. Только не подведи.

По плечу меня погладила и почесалась. Потом ещё раз.

— А наш Дед Мороз не всех прощает? — спрашиваю.

— Ваш? В смысле наш? Всех. Если настоящий. Это то же самое. Тоже Санта-Клаус. Пойдём,— говорит,— на сцену?

И мы, почёсываясь, на сцену пошли. Я — ухом о плечо, иначе никак.

А папа не пришёл. Мама на дверь смотрела. Я тоже смотрел, чуть не забыл, когда пританцовывать начинать. Даже про руки почти забыл. Ненадолго.

Тут Николай притопал. В комбинезоне оранжевом. Он в нём ремонты делает. С работы прямо наверное. Но Николая я уже не сразу заметил. Не до того было. Страшное началось.

Эльф-Наталья Александровна руками махала:

— Ваня, ты что? Ваня, немедленно соберись,— ушами накладными трясла. Я их сшиб с размаху. Нечаянно конечно. Они у неё на волосах повисли: одно выше, другое ниже.

Наталья Александровна ртом воздух глотать начала, как наши рыбы в живом уголке. Стала уши с волос стягивать.

Я как заору! У меня чесаться всё стало так, что мне уже ни до папы и ни до песни было. Даже под рейтузами. Пока по сцене катался, заметил, что Наталья Александровна руки о брюки трёт, как бешеный эльф. Потом шею чесать принялась. Потом вторую руку. А у меня всё так щипать стало, что я вместо «ай м э сновмэн» — «А-А-АЙ» орал на весь актовый зал, пока меня Николай со сцены за ногу тащил.

Потом очнулся, когда Николай дома меня полотенцем мокрым обматывал. Говорит:

— Катя, это же стекловата! Я же сказал, что только в перчатках, и Ване не давать. Ну думать надо, Катя!

Мама не ответила ничего. Молча на диване сидела.

А потом говорит:

— Ваня, сегодня Новый год. Давай Николай у нас останется? — а сама в окно смотрит.

— Да пошли вы, — говорю.

Николай вздохнул.

Мама вышла. Принесла таз салата. И две ложки. Говорит:

— Фруктовый. Для новогоднего настроения. Новый год пахнет мандаринами.

Мы с Николаем по ложке зачерпнули прямо из таза. Гадость страшная, горькое всё. Николай скривился, жуёт:

— Катюш, с долек плёнки снимать надо. Иначе это всё... Ну не очень. Немного горькое. Но вкусно конечно.

Мама у него ложку выхватила. Попробовала. Потом таз на стол швырнула.

Сидит, ревёт.

Я лежу, чешусь. Гадкие мандарины для новогоднего настроения за щекой держу. Не выплевывать же. Я же шары эти сразу не скинул. А мог.

Мама бы не пережила, если бы папа пришёл и такой красивый костюм не увидел. И какая она молодец, а я отличник.

Какой нам Новый год теперь?

А Николай своё «новогоднее настроение» проглотил. Говорит:

— Новогоднее настроение можно ещё иголками создавать. Поперекусать. Они мандаринами пахнут,— и иголку куснул показательно.— Салат вкусный, кстати. Раскрылся вкус. Надо ещё мандаринов, не хватает.

И ушёл.

Мама на кухню ушла. Музыку слушать.
Мне спрятаться захотелось.

Я под ёлку залез. Ну как залез?.. Она маленькая. Голову сунул. Прилёг. В мокром полотенце. Из-под веток выглянул: время 23.50. Папе позвонил. Он трубку не взял. Конечно, до курантов десять минут. Соседи за стеной уже «ура» кричат.

Кто-то по лестнице побежал — петарды запустить наверное. Наверное, у всех по английскому «пятёрки» и Дед Мороз в каждой квартире.

Задумался и почти все иголки с нижних веток поперекусал. Иголки кислые и горькие. Дома нужна новогодняя атмосфера. Вот, делаю. Всё равно делать мне больше нечего. Деда Мороза не будет. Потому что не бывает Деда Мороза.

Слышу: Николай по лестнице топает.

Содержание

Это Котико	3
Помощница	22
Жаба	29
Лёничка	37
Какой нам Новый год	51

Ирина Борисовна Данилова
Какой нам Новый год

Редактор Вячеслав Моисеев
Верстка — Леонид Маслов
Корректор Людмила Моисеева
На обложке рисунок Алексея Кирилова
Серийное оформление Сергея Ячменёва

Допечатная подготовка —
Издательский центр МВГ,
e-mail: wgmoses@mail.ru,
тел. 8-902-365-41-99.

Подписано в печать 15.10.2020 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Агентство „Пресса“»:
Оренбург, ул. Кирова, 9,

Тираж 200 экз. Заказ №